

Автор этих воспоминаний Николай Егорович Поляков родился в 1930 году. После войны окончил семилетнюю школу, Белевский кооперативный техникум, товароведческий и экономический факультеты института торговли. До выхода на пенсию работал в системе проторма, был директором базы Ростекстильторга. Живет в Орле. Материал передан редакции клубом «Дети войны».

Второго октября 1941 года я стоял в очереди за коммерческим хлебом. Он стоил три рубля, а тот, что отпускался по карточкам, — рубль или даже 85 копеек. Зато коммерческий хлеб продавался практически ежедневно, очереди были, но не такие длинные, как за «карточным».

Магазинчик, небольшой, одноэтажный, находился на улице Московской напротив кинотеатра «Родина» (на этом месте сейчас стоит четырехэтажный жилой дом). Был теплый солнечный день, 11 или 12 часов дня. И вдруг известие: немцы! Мать с нами, детьми (я, мой брат и младшая сестра), бежала в деревню Лужна к родственникам. Наша семья вообще-то жила в Брянске. При подходе к нему немцев отец и старший брат ушли в армию, на фронт. Остальные уехали в Орел, который впоследствии оказался оккупированным.

Через день или два мы с матерью вернулись в город. В Орле мы жили на улице Герцена, которой немцы вернули прежнее название: 3-й Московский переулок. По возвращении мы с пацанами пошли по городу. Никаких разрушений не было, как и следов боев. Перешли Красный мост. Напротив нынешнего «Славутича», в Торговых рядах, в самом конце моста по правой стороне увидели разбитую легковую машину черного цвета, наверное, «эмку». Около нее лежала мертвая молодая женщина в военной форме с двумя кубиками в петлице и расстегнутым планшетом. Если не изменяет память, она лежала еще день или два.

Немцы сразу стали наводить свой порядок.

Первое. Все взрослое население от 15 лет должно было явиться на биржу труда.

Второе. В комендантуру должны быть сданы все голубы для кормления славных немецких солдат. Помню, что житель соседнего дома съел своих голубей сам.

Третье. Чтобы не нарушать покой тех же солдат, было запрещено ездить, кататься на самодельных самокатах из подшипников. Этим сразу же воспользовалась полицейская сволочь. Они отнимали самокаты у детей и тут же продавали их другим.

Четвертое. Наряду с приказными листами о бирже, голубях, самокатах и другими кругом были расклеены большие портреты фюрера с надписью «Гитлер-освободитель».

За уклонение от какой-то повинности было казнено несколько человек. Их повесили в сквере Танкистов (тогда Первомайский сквер) на деревьях вдоль улицы Московской напротив дома № 11, где после освобождения Орла был водружен красный флаг. Потом фашисты в этом сквере сеяли турнепс, огурцы, выращивали другую снесь.

Они даже открыли школы, одна из них была напротив универмага, там тогда еще стояла Покровская церковь. На месте нынешнего жилого дома, где «Трансагентство», стояло здание в три этажа, не меньше. В нем фашисты и организовали

ФОТОГРАФИЯ ИЗ ДЕТСТВА

Тот самый снимок немецкого фотографа с Николаем Поляковым.

школу для детей оккупированных. Желающих учиться там не так уж много и нашлось. Учащихся на подходе к школе мы встречали и задавали им трепку, не трогали только девочек. Знали: пожалуется кто из школьников, будет очень плохо. Ведь фашисты были способны на все. Если не изменяет память, этой школе не удалось просуществовать долго — не более учебного года.

По нашей улице Герцена, как правило, гнали военнопленных в сторону Моностырки, где был лагерь. Помню такой случай: на глазах всей улицы двое пленных тащили одного раненого. Конвоиры взяли его и потащили во дворы, чтобы пристрелить. Сбежался народ, зашумели, закричали. Одна женщина «признала» в нем мужа. Убивать не стали, вернули в колонну. Но вряд ли его оставили в живых. Много пленных было сброшено в реку. Там, где сейчас мост им. 60-летия Октября, Ока не была глубока, но течение около левого берега было очень сильное, поскольку плотина до войны находилась в районе Левашовской горы. Да и сама река была более полноводной. Даже в лютые морозы зимы 1941—42 гг. у левого берега река не замерзала. Чтобы перейти на другую сторону, надо было перепрыгнуть где-то с метр, если не больше. В эту «протоку» и сбрасывали пленных. Хорошо помню, как в этой полынье лежали наши солдаты, сброшенные туда, может быть, и живыми еще.

В сравнении с этим вспоминаются годы после освобождения Орла — пленные немцы работали в городе. И, хотя с ними был конвоир, ходили они свободно. Были, как и все мы тогда, голодными, но изможденными во всяком случае не выглядели.

Во время оккупации все не-

работавшие жители города, а это старики и дети, старались, как могли, найти пропитание. Детям в этом отношении было несколько «лучше». Мы, ребята, переделали лошадиную двухколесную повозку под тележку и по очереди использовали ее для перевозок немцам их рюкзаков. Услугами этими не брезговали ни офицеры, ни рядовые. За это мы получали от «освободителей» то кусок эрзац-хлеба, то огрызок маргарина, то одну-другую оккупационную марку.

И вот однажды я вез одному «освободителю» его вещички. Вижу, с порожков, где был вход в разрушенное здание, в котором после восстановления города размещался ресторан «Ока», немец со скандальной, подлой улыбкой собирается фотографировать меня, везущего телегу. Я принял нарочито развлекательную позу: опустил рукава пиджака — он был с чужого плеча, мне велик, сдвинул кепку, навалился на поручни телеги. Про себя думал: фотографируй, гад, наслаждайся. Что он с самодовольной рожей и сделал.

И вот спустя много лет я увидел себя на фотографии в «Орловской правде», а затем в краеведческом музее. Надо полагать, ни там ни здесь не знали, кто это изображен на фото.

В декабре 41-го колонны разной фашистской техники сплошным потоком двигались по Московской улице в сторону вокзала — на Москву. Все ждали бомбардировок этого потока, но слишком слабы были, наверное, возможности нашей авиации. Разгром под Москвой, видимо, послужил уроком: к уничтожению города фашисты начали готовиться еще с лета 42-го. Из всех домов выше второго и даже первого этажа выгнали жи-

телей. В дома завозились и складывались снаряды, похожие на бомбы, из бетона, весом по 100 и более килограммов, длиной где-то до полутора метров. Все это делалось белым днем. Красный мост по обе сторо-

нитой вылазки кроме меня были еще двоюродные братья Г. И. Кавыршин и Н. М. Демидов и мой брат Д. Е. Поляков, который позднее погиб в первом бою после освобождения Орла.

Где-то в конце июля собралась группа молодых парней, которые решили идти через линию фронта к нашим. Пошли в сторону Болхова, но вскоре вернулись, потеряв одного. Конкретных имен, фамилий не помню, да и уходили они под большим секретом. Если мне не изменяет память, они брали с собой оружие, взятое нами на полевой почте.

При отступлении за несколько дней до ухода из Орла, немцы проводили повальные обыски, облавы с овчарками, выявляя молодых парней для угона на Запад. Молодежь пряталась, как могла, многим это удавалось. Правда, и немцы были уже не столь рьяны. Чувствовалась их растерянность. Ведь немецкая пропаганда, как это теперь известно, агитировала за быструю победу, а получилось наоборот, бежать пришлось.

После Сталинградской битвы три дня немцы ходили с траурными черными повязками. С апреля особенно активно начала действовать наша авиация. Запомнились две бомбардировки за неделю-полторы до Пасхи. Первая — в районе станции Цон. Там были большие склады и составы с продовольствием. Все было уничтожено, что взрывами, что огнем. Бомбардировки шли ночью, при освещении авиационными лампами. В обоих случаях наша авиация вряд ли понесла потери. А вот в немецкой газетенке «Речь» на русском языке писалось, что чуть ли не десятки самолетов были сбиты. На самом деле в начале бомбардировки слышалось лишь несколько хлопков зенитных орудий. Надо полагать, немецкую артиллерию наши летчики сразу же подавили.

Вторая бомбардировка, еще более мощная, была на станции Орел. Вверх взлетали горящие бочки с горючим. Они потом валялись по всей Привокзальной площади, изодранные и обгорелые. Горели и склады, пакагаузы с другой стороны станции, в районе нынешнего Завокзального поселка.

Горожане шли к этим пожарам в надежде хоть чем-нибудь поживиться. В растерянности немцы не выставили охрану в первый же день. Но уже к вечеру на другой день она точно была. В охране стояли «славяне» — полицейские. А в сгоревших и дымящихся пакагаузах были и сыр в головках и тубиках, и молоко в банках, и мясные консервы. И даже мед! Все это, обгорелое, до угля сожженное, подбирали мы. А хорошим воспользовались охранники.

После освобождения Орла началось его восстановление. Все неработающие жители города делали все, что могли. Я, например, вместе с матерью таскал от взорванного завода № 5 бой кирпича, который разбивали молотками на мелкую щебенку и укладывали ею дорожку от завода им. Медведева до завода «Текмаш». Она и сейчас существует, обсаженная деревьями и заасфальтированная. Глядя сейчас на город-красавец, любящийся всем построенным после войны.

Н. ПОЛЯКОВ.